

В Судебную коллегия по уголовным делам
Верховного Суда Российской Федерации
(через Московский Городской Суд)
от адвоката адвокатской палаты г. Москвы
Тимушева Артема Андреевича
(107143, г. Москва, а/я 36 Открытое ш. д. 24)
тел: 8-903-554-91-49

процессуальное положение:

защитник подсудимого гр. К.

(ч. 2 ст. 210; ч. 3 ст. 205; ч. 3 ст. 222; ч. 3 ст. 223;
ч. 3 ст. 205; п.п. «а», «е», «ж», «л» ч. 2 ст. 105;
ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «е», «ж», «л» ч. 2 ст. 105;
ч. 3 ст. 222; ч. 3 ст. 223 УК РФ)

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

на приговор суда

(дополненная после ознакомления с протоколами судебных заседаний)

Приговором Московского Городского Суда от «15» мая 2008 г. мой подзащитный гр. К. на основании вердикта присяжных заседателей был признан виновным в совершении ряда тяжких и особо тяжких преступлений, осужден по ч. 2 ст. 210; ч. 3 ст. 205; п.п. «а», «е», «ж», «л» ч. 2 ст. 105; ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «е», «ж», «л» ч. 2 ст. 105; ч. 3 ст. 222; ч. 3 ст. 223 УК РФ и приговорен к наказанию в виде пожизненного лишения свободы, с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима.

По нашему мнению, данный приговор является незаконным, необоснованным и несправедливым, т.к. в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства с участием присяжных заседателей в суде первой инстанции произошли многочисленные и

значительные нарушения норм и гарантий уголовно-процессуального права, которые **в совокупности** лишили моего подзащитного К. возможности защиты от уголовного преследования, что в конечном итоге привело к постановлению несправедливого и необоснованного вердикта и приговора.

Судом первой инстанции было нарушено право моего подзащитного на защиту от уголовного преследования и получения квалифицированной юридической помощи выбранным им защитником – гражданином К. Суд при этом нарушил гарантии, предусмотренные **ст. 48** Конституции РФ, не выполнил требования **ст. 49, 51 УПК РФ п.5** Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2005 №23 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей».

Защитник Тимушев А.А., имеющий на момент начала слушания по уголовному делу **адвокатский стаж менее 6 месяцев**, возраст менее 27 лет, не обладающий необходимым уровнем профессиональных знаний, жизненным опытом и авторитетом, присущим возрасту, а также соответствующей квалификацией для полноценного выполнения функций защитника, **не был выбран К.** для реализации своего права на защиту.

Адвокат Тимушев А.А. приступил к защите К. на основании соглашения с гражданкой Ц., которая не является ни родственником, ни супругой гражданина К., кроме этого она является свидетелем по данному уголовному делу.

В материалах дела **имеется мотивированный отказ гражданина К. (т.52, л.д. 70) от услуг адвоката Тимушева А.А.**, по вышеназванным причинам, однако данный отказ судом рассмотрен не был.

Адвокат С., представивший в суд ордер 1213/57 от 13.12.07 (**том 52 л.д. 57**), и осуществлявший защиту К. на предварительном следствии, не был допущен к защите К. в суде без объяснения причины.

К. неоднократно пояснял суду, что представление своих интересов и свою защиту в суде с участием присяжных он доверяет только одному человек - **правозащитнику К.**

В материалах дела имеются многочисленные ходатайства о допуске **К.** в качестве защитника **К.** (т.52, л.д. 41, л.д. 72, 74, т. 55, л.д. 11-12).

Адвокат Тимушев А.А. также неоднократно пояснял суду, что в связи с отсутствием профессионального опыта и в связи со сложностью дела и большим объемом обвинения **К.**, руководствуясь **ч.2 ст.49 УПК РФ** просит наряду с ним допустить к защите **К.** правозащитника **К.**.

При этом **Тимушев А.А.** также пояснял, что его доверитель **гр. Ц.** заключила с ним соглашение для того, чтобы у **К.** был **формальный защитник-адвокат**, предусмотренный требованиями закона, чтобы в дальнейшем, в соответствии с **ч.2 ст. 49 УПК РФ** наряду с ним профессиональную защиту **К.** по его воле осуществлял **высококвалифицированный и умудренный жизненным опытом правозащитник К.**

В свою очередь **К.** 19 января 2008 года лично явился на заседание суда и выразил готовность к защите **К.**, личность правозащитника была установлена судом (т. 55, л.д. 11).

Несмотря на все приведенные факты, судом было необоснованно, без объяснения каких бы то ни было причин и ссылок на нормы действующего законодательства РФ отказано в допуске правозащитника **К.** к защите **К.** (т.55 л.д. 12), чем было грубо нарушено право **К.** на защиту.

Стороной защиты, адвокатом **Тимушевым А.А.** и подсудимым **К.**, после формирования и оглашения списка присяжных заседателей, составивших коллегию, было заявлено ходатайство (т. 55 л.д. 32.), поддержанное всеми защитниками и подсудимыми о тенденциозности состава данной коллегии в связи с тем, что у защиты были основания полагать, что образованная коллегия **не способна всесторонне и**

объективно оценить обстоятельства рассматриваемого уголовного дела и вынести справедливый вердикт, вследствие однородности состава коллегии присяжных заседателей с точки зрения **возрастных и социальных факторов (т.54 л.д. 9-10).**

Суд в удовлетворении данного ходатайства отказал, объяснив это тем, что набор новой коллегии присяжных заседателей необоснованно затянет судопроизводство по данному уголовному делу.

Таким образом, вместо того, чтобы руководствоваться принципами справедливости и объективности при осуществлении уголовного судопроизводства, суд, исходя из позиции целесообразности – минимизации сроков судебного процесса – тем самым **нарушил гарантии подсудимых**, предусмотренные ст. 47 Конституции РФ, а также **ч. 1 ст. 330 УПК РФ** и **п. 16** Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2005 №23 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей».

Также обращаю внимание суда, что в процессе судебного разбирательства были нарушены требования **ст. 341-345 УПК РФ** о тайне совещания присяжных при вынесении вердикта и **п. 17** Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2005 №23 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», т.к. вердикт присяжных был известен всем подсудимым еще до выхода присяжных из совещательной комнаты от сотрудников конвоя, которые неоднократно сообщали всем подсудимым, что присяжные уже признали их виновными в совершении всех инкриминируемых преступлений и приговорили к пожизненному лишению свободы. При этом сотрудники конвоя поясняли, что **данные слова являются для них приказом** и служат основой применения к подсудимым усиленных мер при их конвоировании.

При рассмотрении данного дела также были нарушены требования ст. 334-335 УПК РФ и п. 20, 22 Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2005 №23 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», а именно: суд допустил, что стороной обвинения в период судебного следствия подлежали исследованию фактические обстоятельства, не подлежащие рассмотрению с участием присяжных, и способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого **К.**

В силу **части 8 статьи 335 УПК РФ** данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. С участием присяжных заседателей не исследуются факты прежней судимости, характеристики, справки о состоянии здоровья, о семейном положении и другие данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого.

Государственный обвинитель в присутствии присяжных неоднократно допускал высказывания, отрицательно характеризующие **К.** как личность: «жалкий тип с больной фантазией» «низкий, закомплексованный и никчемный человек». При допросе **свидетеля К.** государственным обвинителем умышленно были заданы вопросы, касающиеся личности **К.**, на которые свидетель **К.** в присутствии присяжных сообщил ложную информацию о том, что **К.** был плохим семьянином и бросил жену и двух малолетних детей (**т 57, л.д. 44-48**).

Все это, по нашему мнению, оказало существенное воздействие на присяжных заседателей, что впоследствии повлекло вынесение ими обвинительного вердикта.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного суда РФ одним из оснований отмены приговора суда с участием присяжных заседателей является **ошибочное исключение из разбирательства допустимых**

доказательств, поскольку такое нарушение ограничивает гарантированные законом права участников уголовного судопроизводства на предоставление доказательств и может повлиять на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов на них, а в дальнейшем на постановление законного и справедливого приговора.

Адвокатом С. и подсудимым С. было заявлено ходатайство (т 57 л.д. 52) об оглашении в суде видеозаписи видеонаблюдения на станции метро «Пушкинская» от 22.04.2006 г. (т. 36 л.д. 303-315). Суд вынес постановление об удовлетворении данного ходатайства, но по причине отсутствия технических возможностей, фактически видеозапись на обозрение присяжным заседателям не была представлена.

Исходя из этого, произошел отказ стороне защиты в исследовании доказательств, не признанных судом недопустимыми, что в соответствии с **п.20, 23** Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2005 №23 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» следует расценивать как ограничение права защиты на представление доказательств, то есть как нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее отмену приговора (**статьи 379, 385 УПК РФ**).

При формулировании вопросов, поставленных судом на разрешение коллегии присяжных заседателей, судом были нарушены процессуальные гарантии стороны защиты, предусмотренные **ч. 3 ст. 15, ст. 338-339 УПК РФ** и **п. 26, 27** Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2005 №23 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», а именно: суд **проигнорировал все замечания и предложения стороны защиты** по содержанию и формулировке вопросов, при этом суд существенно **ограничил сторону защиты во времени** для ознакомления с поставленными вопросами, подготовке замечаний и внесении предложений о

постановке новых вопросов. Все **270 вопросов** были поставлены на обсуждение сторонам **в течение одного судебного дня**, т.е. **в срок не более четырех часов**. За указанный промежуток времени сторона защиты не имела возможности в полной мере сформулировать мнение по поводу вопросного листа и отдельных вопросов.

Всем подсудимым было отказано в постановке вопросов о наличии по уголовному делу фактических обстоятельств, исключających их ответственность за содеянное или влекущих за собой ответственность за менее тяжкие преступления.

Подсудимым Ж. по этому поводу был заявлен ряд ходатайств, поддержанных всеми подсудимыми и защитниками, которые остались без рассмотрения суда и без удовлетворения (**т.53 л.д. 4-7**).

Своими действиями при формировании вопросного листа суд существенно нарушил **право подсудимых на защиту** от уголовного преследования и на объективное рассмотрение данного дела.

В соответствии со **ст. 299, 334, 338, 339 УПК РФ**, также **п. 28** Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2005 №23 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» постановка одного вопроса при определении признаков нескольких составов преступления допускается лишь в случае **идеальной совокупности преступлений**, когда одно действие содержит признаки преступлений, предусмотренных несколькими статьями УК РФ.

В данном случае постановка вопросов судом должна расцениваться как нарушение права подсудимых на защиту, поскольку судом не была предоставлена возможность стороне защиты сформулировать дополнительные вопросы о наличии в действиях подсудимых признаков **конкретных, отдельных преступлений**.

Исходя из требований, указанных в п. 30 Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2005 №23 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» формулировки вопросов **не должны допускать** при каком-либо ответе на них признание подсудимого виновным в совершении деяния, по которому обвинение ему не предъявлялось либо не было поддержано государственным обвинителем.

Однако, по отношению к подсудимому **К.** вопрос №158 в вопросном листе явно ухудшает его положение, т.к. нигде в обвинительном заключении не указывается, что **К.** «контролировал» организацию и проведение взрыва в помещении издательства «Русский Вестник», а суд, существенно нарушая презумпцию невиновности и выходя за объем предъявленного обвинения, ставит перед присяжными вопрос о контроле со стороны **К.** действий подсудимых К. и Т. при осуществлении данного взрыва (т 54, л.д. 209).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о намеренном усугублении обвинения **гр. К.** со стороны суда.

Напутственное слово председательствующий (т. 54, л.д. 52-125) произнес без учета требований, предусмотренных ст. 340 УПК РФ. Так, при изложении доказательств со стороны обвинения и защиты в отношении **К.** (т. 54, л.д. 82-84, 86-118) по эпизодам, связанным со взрывами в редакции «Русский вестник» и на территории рынка «АСТ» председательствующий лишь вскользь упоминает доказательства, представленные защитой (показания подсудимых, данные ими в суде) и полностью акцентирует внимание присяжных на доказательствах, полученных стороной обвинения на стадии следствия и оглашенные в суде. Также председательствующий допустил выражение своего отношения к данным доказательствам, тем самым сделав вывод о доказанности вины **К.** в инкриминируемых ему преступлениях.

Председательствующий нарушил **ч. 4 ст. 340 УПК РФ**, так как в напутственном слове не разъяснил в полной мере порядок назначения наказания в случае признания присяжными подсудимых заслуживающими снисхождения. Председательствующим также не были в полной мере разъяснены правила оценки доказательств, и такие принципы правосудия как презумпция невиновности в части того, что любое сомнение в виновности лица должно трактоваться судом в его пользу (**т. 54, л.д. 121-122**).

После произнесения напутственного слова подсудимый **К.** выступил с возражением в связи с содержанием напутственного слова по мотивам нарушения председательствующим принципа объективности и беспристрастности, однако данное возражение не было занесено в протокол судебного заседания.

В ходе вынесения присяжными вердикта, не смотря на то, что в напутственном слове (**т. 54 л.д. 123**) председательствующий разъяснил присяжным требования необходимости обсуждения всех вопросов и принятия единодушного решения, **по всем вопросам, касающимся причастности и виновности К. к инкриминируемым ему преступлениям, присяжные не достигли и не стремились достичь единодушного решения.** Тем самым было существенно нарушено требование ч. 1 ст. 343 УПК РФ.

Из **270 вопросов** вопросного листа по причастности и виновности **К.** был поставлен 21 вопрос. **Ни на один из этих вопросов присяжные не ответили единогласно.** При этом все 270 вопросов присяжные смогли обсудить всего за 9 часов 30 минут, т.е. за 570 минут, т.е. **на обсуждение одного вопроса присяжные тратили менее 2-х минут** (**т. 57 л.д. 145-148**).

Данные расчеты позволяют сделать вывод о том, что присяжные не только не стремились к единодушному решению, но и фактически не обсуждали поставленные вопросы, принимая решения в протокольной форме просто путем подсчета голосов без какого-либо обсуждения.

В соответствии с п. 36 Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2005 №23 **«О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей»** несоблюдение порядка совещания присяжных заседателей в части, касающейся времени, по истечении которого они могут приступить к формулированию в вопросном листе ответов, принятых большинством голосов в результате голосования, является нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора.

В соответствии с **частью 3 статьи 351 УПК и п. 41 Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2005 №23 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей** описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, в совершении которого коллегия присяжных заседателей признала подсудимого виновным, мотивировку квалификации его действий на основании вердикта присяжных заседателей, а также решение по другим вопросам (гражданскому иску, судьбе вещественных доказательств и т.д.) (см. приговор), однако в связи с тем, что по взрыву на территории рынка АСТ перед присяжными **был поставлен всего один вопрос, объединяющий признаки сразу трех особо тяжких преступлений ч.3 ст. 205, ч.2 ст. 105 и ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 105** - данные требования были нарушены. При этом подсудимым при формировании вопросного листа (**т. 53 л.д. 4-7**) было отказано в удовлетворении ходатайства о разграничении вопросов по каждому деянию и о формулировке вопросов, снижающих или исключаящих их ответственность по инкриминируемым им преступлениям.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. N 5 **«О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм**

международного права и международных договоров Российской Федерации»:

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (**часть 1 статьи 17 Конституции Российской Федерации**).

Согласно части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.

На предварительном слушании (**т. 52 л.д. 40**) подсудимым **К.** было заявлено ходатайство о рассмотрении его дела военным окружным судом на основании того, что на момент совершения инкриминируемых ему деяний, он являлся военнослужащим РФ. В удовлетворении данного ходатайства было отказано, и дело рассматривалось гражданским судом. Тем самым было нарушено право военнослужащего **К.** на рассмотрение уголовного дела по подсудности.

Следует учитывать, что наличие обоснованного подозрения в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, является необходимым условием для законности ареста. Вместе с тем такое подозрение не может оставаться единственным основанием для продолжительного содержания под стражей. Должны существовать и иные обстоятельства, которые могли бы оправдать изоляцию лица от общества. К таким обстоятельствам, в частности, может относиться возможность того, что подозреваемый, обвиняемый или подсудимый могут продолжить преступную деятельность либо скрыться от предварительного следствия или суда, либо сфальсифицировать доказательства по уголовному делу, вступить в сговор со свидетелями.

При этом указанные обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, то есть подтверждаться достоверными сведениями. В случае продления сроков содержания под стражей суды должны указывать

конкретные обстоятельства, оправдывающие продление этих сроков, а также доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств.

На предварительном слушании защитником **К.** адвокатом **Тимушевым А.А.** (т. 52 л.д. 82-83) было заявлено ходатайство об изменении **К.** меры пресечения на несвязанную с лишением свободы, однако данное ходатайство, хотя и было обосновано, судом должным образом не рассматривалось, доводы ходатайства ничем опровержены не были, вследствие чего **К.** на все время судебного разбирательства более 5 месяцев находился под стражей, что послужило причиной существенного ухудшения здоровья и самочувствия **К.**, а также являлось способом оказания на него воздействия со стороны обвинения. При продлении сроков содержания под стражей суд не рассматривал конкретные обстоятельства, оправдывающие продление этих сроков, а также доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств.

При разрешении ходатайства об освобождении из-под стражи или жалобы на продление срока содержания под стражей суду необходимо принимать во внимание положения **статьи 3 Конвенции** о защите прав человека и основных свобод, согласно которой никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

Унижающим достоинство обращением признается, в частности, такое обращение, которое вызывает у лица чувство страха, тревоги и собственной неполноценности.

При этом лицу не должны причиняться лишения и страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы, а здоровье и благополучие лица должны быть гарантированы с учетом практических требований режима содержания.

К. неоднократно заявлял в суде и на следствии о том, что со стороны государственного обвинения в нарушение **ст.3, 5, 6 и 13 Конвенции** о

защите прав человека и основных свобод, к нему применяются пытки и оказывается значительное воздействие вследствие чего он перенес инсульт, был парализован и стал инвалидом. Однако все его многочисленные жалобы и сообщения были оставлены без рассмотрения, а указанные им факты без надлежащей проверки, как со стороны прокуратуры, так и со стороны суда.

К. был лишен права на защиту, так как к нему не допустили выбранного им защитника **К.**.

Суд необоснованно лишил всех подсудимых, в том числе и **К.** их права, предусмотренного **п.1 ст. 6 Конвенции** о правах человека и основных свобод на рассмотрение их дела в гласном и открытом судебном заседании.

Государственных обвинитель Ч. заявил голословное ходатайство о принятии мер безопасности в отношении потерпевших (**т. 55 л.д. 10**), при этом он не привел ни одного доказательства в подтверждении данного ходатайства. Суд, не принимая во внимание протесты со стороны защиты, данное ходатайство удовлетворил, и судебное заседание до объявления приговора было закрыто.

Потерпевшие по данному делу тоже были лишены права на защиту их интересов в суде, так как более 50-ти потерпевших даже не были должным образом уведомлены о начале судебного разбирательства по данному делу. (**т. 55, л.д.14**), однако, не смотря на это грубейшее нарушение, дело по ходатайству государственного обвинения (**т. 55, л.д. 35**) слушалось в их отсутствии. Соответственно, в связи с тем, что подавляющее большинство потерпевших не присутствовало в суде и не знало о судебном разбирательстве данного дела подсудимые и сторона защиты были лишены права задать им соответствующие вопросы в свою защиту **п.д ч.3 ст. 6 Конвенции** о защите прав человека и основных свобод.

В нарушение **п. в ч. 3, ст. 6 Конвенции** о защите прав человека и основных свобод при формировании вопросного листа (**т. 54**) **подсудимые были лишены права на использование достаточного количества**

времени для ознакомления с вопросами, которых было 270 и формирование своего отношения к данному вопросному листу. Формирование вопросного листа было закончено менее чем за четыре часа, соответственно на обсуждение одного вопроса каждому из подсудимых и защитников было предоставлено **не более двух минут.**

В нарушении **ч.2 ст. 6 Конвенции** о защите прав человека и основных свобод подсудимые в СМИ еще **до рассмотрения дела судом были названы террористами,** что оказало существенное воздействие при принятии решения присяжными по существу данного дела.

При рассмотрении данной жалобы, прошу суд так же учесть следующие доводы:

1. Осуществлять защиту я начал после окончания предварительного следствия, до суда исследовав материалы уголовного дела, был полностью уверен в **невиновности К.,** т.к. само обвинение было противоречиво, из всех доказательств причастности К. к инкриминируемым преступлениям у обвинения были только показания подсудимых: Т., К., Ж., которые были взаимоисключающие и противоречивые.

2. Приступив к защите К., рассчитывал выполнять только лишь **представительскую функцию,** т.к. имею опыт адвокатской практики менее полугода, при этом полагал, что основную функцию защиты будет выполнять **опытный правозащитник К.**

3. Я так же допустил ошибку, не придав значения словам своего подзащитного **К.** о том, что приговор ему уже известен и объявлен и тому, что на него постоянно оказывается воздействие со стороны обвинения. Я посчитал это следствием психического расстройства после перенесенного им ранее инсульта.

4. На протяжении следствия и в суде я и мой подзащитный **К.** неоднократно заявляли ходатайства о проведении проверок обстоятельств

получения К. во время следствия **посттравматического воспаления мозга и инсульта**. Все ходатайства оставались без ответа.

5. На протяжении всего судебного разбирательства **К.** постоянно жаловался, что со стороны обвинения на него оказывается воздействие, но все жалобы оставались без ответа.

6. Все **подсудимые, К., К., Т., Ж.,** дали в суде подробные, непротиворечивые и правдивые показания о **полной непричастности К.** к осуществленным ими взрывам. При этом они пояснили, что ранее умышленно оговаривали К., считая его чужаком и одновременно выполняя просьбу следователей.

К. также пояснил, что оговаривал К. и просил оговаривать К. остальных подсудимых - К., Ж. и Т., **чтобы самому избежать уголовной ответственности.**

Потерпевшие по взрыву в редакции «Русский вестник» в лице сотрудников данной редакции **Б. (т.55, л.д. 127), С. (т. 55 л.д. 126) и Р. (т.57)** в своих показаниях говорят о полной непричастности К. к данному взрыву, а также утверждают, что никаких конфликтов и разногласий с К. не было, поэтому они не усматривают каких бы то ни было мотивов для того, чтобы говорить о причастности К. к взрыву в редакции «Русский вестник».

Свидетель Ц. также пояснила суду, что совместно проживает с К. более пяти лет и с полной уверенностью может заявить, что К. не является приверженцем каких-либо фашистско-националистских идей. Доказательством этого служит сам факт отношений К. и Ц., так как свидетель пояснила, что сама по национальности является еврейкой.

При обыске по месту жительства К. не было найдено каких бы то ни было следов взрывчатых веществ либо следов их изготовления, что также говорит о непричастности К. к производству каких-либо взрывов.

Свидетель К. (т. 57, л.д. 44-48) пояснил суду, что он является начальником К. по военной службе, что К. поддерживал со всеми

сослуживцами ровные отношения, никогда не высказывал и не пропагандировал идеи межнациональной и расовой розни и вражды, не обладал навыками по взрывному делу, был рядовым служащим без каких-либо замечаний или нареканий. Все это также свидетельствует о непричастности К. к организации и проведению каких-либо преступлений террористической направленности.

Исходя из вышеперечисленного, **я изначально был уверен в невиновности К.** и полном успехе его защиты по данному делу. Однако, государственное обвинение, пользуясь моей молодостью и неопытностью, **не допуская к защите К. опытного защитника К.,** путем многочисленных нарушений норм УПК РФ, используя огромное информационное воздействие со стороны СМИ, где еще до рассмотрения дела по существу, **все подсудимые, в том числе и К., были названы террористами,** формированием тенденциозного состава суда присяжных, посредством принятия протокольного вердикта, в ходе которого на обсуждение каждого отдельного вопроса было потрачено не более 2-х минут, утвердило позицию обвинения в приговоре суда.

7. От подсудимых К., К., Т. и Ж. были поданы ходатайства с просьбой прекратить преследования (т.53, л.д. 43-56) в отношении К. по причинам непричастности его к инкриминируемым преступлениям, однако данные ходатайства рассмотрены не были.

8. **К.** уже два года находится в тяжелейших, антисанитарных условиях лишения свободы. За это время он перенес многочисленные заболевания, вследствие чего был парализован и стал инвалидом. Но в данном случае, я, адвокат Тимушев А.А., выступаю даже не на стороне конкретного клиента - К., а на стороне закона, на стороне правосудия, так как искренне полагаю, что приговор в отношении К. вынесен необоснованно и незаконно.

На основании вышеизложенного, руководствуясь Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, нормами международного права,

Конституцией и УПК РФ, а так же соответствующими разъяснениями Пленума Верховного суда РФ

ПРОШУ СУД:

В связи с тем, что в процессе судебного разбирательства с участием присяжных заседателей в суде первой инстанции произошли многочисленные и значительные нарушения норм и гарантий уголовно-процессуального права которые путем лишения и существенного ограничения гарантированных УПК РФ прав моего подзащитного К. и несоблюдения процедуры судопроизводства повлияли на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора, судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор Московского городского Суда **отменить и направить уголовное дело № 376186 на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции со стадии предварительного слушания.**

При этом прошу Суд учесть, что, не смотря на вердикт присяжных заседателей «виновен» мой подзащитный был лишен права сформулировать перед присяжными заседателями вопросы о наличии по уголовному делу фактических обстоятельств исключающих ответственность или влекущих за собой ответственность за менее тяжкие преступления (ч. 2 ст. 338 УПК РФ), что повлекло за собой несправедливость и чрезмерную жестокость приговора и наказания в виде пожизненного лишения свободы.

«18» августа 2008 г.

защитник гр. К.

адвокат Тимушев А.А.